

О, я от призраков больна

Автор:

Алан Брэдли

О, я от призраков больна

Алан Брэдли

Загадки Флавии де Люс #4

Есть такие места, с виду тихие и сонные, но постоянно словно по волшебству притягивающие всяческие неприятности и происшествия. Старинное английское поместье Букшоу, где обитает нелюдимый полковник де Люс с тремя дочерьми, – как раз такое. И главный магнит для неприятностей – это младшая дочь, одиннадцатилетняя умница Флавия де Люс, любительница чужих дел, химии и дедукции.

Хотя в этот раз она не при чем!

Полковник де Люс, пытаясь свести концы с концами, отдает Букшоу в аренду для съемок кинофильма. В главной роли – не просто звезда, а легенда, любимица публики Филлис Уиверн. Однако не проходит и двух суток со дня прибытия съемочной группы, как пронырливая Флавия находит труп мисс Уиверн...

Подозреваемые – несколько десятков людей, которых снегопад запер этой ночью в Букшоу. И пока неповоротливые полицейские берут отпечатки пальцев и методично ведут допросы, Флавия де Люс проникнет в сокровенные тайны кинозвезды и найдет убийцу, параллельно планируя акцию по захвату Деда Мороза, готовя самый масштабный фейерверк в истории Бук-шоу и обнаруживая новые скелеты в прошлом своей эксцентричной семейки.

Алан Брэдли

О, я от призраков больна

© 2011 by Alan Bradley

© Измайлова Е., перевод, 2012

© ООО «Издательство Астрель»

* * *

Посвящается Ширли

Проскачет рыцарь на коне,

Её не видит он во сне,

Волшебницу Шалот.

Но всё растёт узор немой,

И часто, в тихий час ночной,

За колесницей гробовой

Толпа тянулась в Камелот.

Когда же, лунных снов полна,

Чета влюблённых шла, нежна,

«О, я от призраков – больна!» –

Печалилась Шалот.

Альфред Теннисон

«Волшебница Шалот»[1 - Перевод К. Бальмонта (здесь и далее – прим. переводчика).]

Завитки сырого тумана поднимались надо льдом, будто агонизирующие души, покидающие тела. В холодном воздухе парила полупрозрачная волнообразная дымка.

Я носилась взад-вперед по длинной галерее, и серебряные лезвия моих коньков издавали печальный скрип, как будто нож мясника энергично точили о камень. Под поверхностью льда был четко виден затейливый узор паркета, хотя цвета несколько потускнели из-за дифракции.

Над головой огоньки двенадцати дюжин свечей, которые я стянула из кладовой дворецкого и воткнула в старинные канделябры, сумасшедше подергивались от потока воздуха, создаваемого моим стремительным движением. Я носилась по комнате – взад-вперед, туда-сюда. Набирала полные легкие колючего воздуха и выдыхала маленькие серебристые облачка конденсата.

Когда наконец я затормозила скользящим движением, осколки льда взлетели в воздух ломкой волной крошечных разноцветных бриллиантов.

Затопить картинную галерею было довольно просто: резиновый садовый шланг, просунутый сквозь открытое окно с террасы и оставленный течь всю ночь, сделал свое дело – он и сильный холод, который последние две недели держал всю округу ледящей хваткой.

Поскольку все равно никто никогда не приходит в неотапливаемое восточное крыло Букшоу, никто не заметит мой импровизированный каток – по крайней мере до весны, когда он растает. Никто, вероятно, кроме моих написанных маслом предков, ряд за рядом они сейчас кисло смотрели на меня из тяжелых рам с ледяным неодобрением того, что я натворила.

Я громко выразила им свое презрение, эхом разнесшееся по галерее, и снова оттолкнулась в холодный туман, нагнувшись, словно конькобежец, правой рукой разрезая воздух, левую убрав за спину, с развевающимися косичками и с таким

небрежным видом, как будто я вышла прогуляться по окрестностям в воскресный день.

Как было бы мило, подумала я, если бы какой-нибудь модный фотограф вроде Сесиля Битона оказался здесь сейчас с фотоаппаратом, дабы увековечить сей момент.

«Продолжай в том же духе, дорогая, – сказал бы он. – Представь, что меня здесь нет». И я бы снова летала, как ветер, по просторам старинной картинной галереи, обшитой панелями, и мои движения время от времени замирали бы в свете неяркой фотовспышки.

Потом, через неделю-другую, я бы оказалась на страницах «Сельской жизни» или «Иллюстрированных лондонских новостей», захваченная в движении, навеки застывшая, решительно и целеустремленно пригнувшись.

«Восхитительная... очаровательная... де Люс, – гласил бы заголовок. – Одиннадцатилетняя фигуристка – поэзия в движении».

«Господи! – воскликнет отец. – Это Флавия! Офелия! Дафна! – крикнет он, размахивая страницей в воздухе, словно флагом, затем снова взглянет на нее, просто на всякий случай. – Быстро идите сюда! Это Флавия, ваша сестра!»

При мысли о сестрах я не сдержала стога. До сих пор меня не особенно беспокоил холод, но теперь он вцепился в меня с неожиданной силой атлантического шторма: сильный, пронизывающий, парализующий холод зимнего конвоя – холод могилы.

Я содрогнулась с головы до ног и открыла глаза.

Стрелки бронзового будильника показывали четверть седьмого.

Высунув ноги из-под одеяла, я нащупала тапочки кончиками пальцев, затем, завернувшись в простыни, одеяла, вывалилась с кровати и, согнувшись, словно огромная гусеница, поползла к окну.

Во дворе было еще темно, разумеется. В это время года солнце взойдет только через часа два.

Спальни в Букшоу такие же огромные, как парадные площади, – холодные, продуваемые сквозняками помещения с далекими стенами и тенями по периметру, и из них всех моя, расположенная в дальнем южном углу восточного крыла, – самая дальняя и самая унылая.

По причине долгого и ожесточенного спора между двумя моими предками, Энтони и Уильямом де Люсами, о достоинстве применения некой военной тактики во время Крымской войны Букшоу был разделен на два лагеря и в вестибюле провели черную линию: линию, которую запрещалось пересекать в обе стороны. Так что по разным причинам, некоторые из которых довольно скучны, другие откровенно эксцентричны, при короле Георге V, когда остальные части дома реставрировались, восточное крыло осталось практически неотапливаемым и заброшенным.

Превосходная химическая лаборатория, построенная отцом моего двоюродного дедушки Тарквина, или Тара, де Люса для сына, стояла забытая и заброшенная, пока я не обнаружила ее сокровища и не присвоила их. Благодаря тщательным и детальным записным книжкам дядюшки Тара и дикой страсти к химии, с которой я, должно быть, родилась, мне удалось приобрести неплохие навыки в перестановке того, что я любила именовать кирпичиками вселенной.

«Неплохие навыки?» – сказала часть меня. Просто неплохие? «Довольно, Флавия, старушка! Ты просто чудо, и ты это знаешь!»

Большинство химиков, признают они это или нет, питают особую склонность к тому или иному разделу своей науки, которому постоянно уделяют внимание, и мой раздел – это яды.

Хотя я до сих пор не без удовольствия вспоминаю, как покрасила трусики сестрицы Фели в ярко-желтый цвет, прокипятив их в растворе ацетата свинца, после чего хорошенько вымочив их в растворе хромата натрия, но что действительно заставляет мое сердце прыгать от радости, так это способность быстро изготовить доступный яд из ярко-зеленой медянки, которую я соскребла с медного поплавка в одном из викторианских туалетов Букшоу.

Я поклонилась себе в зеркало, расхохотавшись при виде жирного белого слизня, поклонившегося в ответ.

Я быстро натянула холодную одежду, надев поверх всего мешковатый серый кардиган, который слямзила из нижнего ящика в шкафу отца. Этот безобразный мешок, испещренный ромбами цвета хаки и красно-коричневыми, ему связала на прошлое Рождество сестра, тетушка Фелисити.

«Очень заботливо с твоей стороны, Лиззи», – сказал отец, ловко уклоняясь от похвалы непосредственно жуткому творению. Когда в августе я заметила, что он так ни разу его не надел, то сочла этот нелепый наряд своей честной добычей, и с тех пор, по причине холодной погоды, он стал моим любимым.

Кардиган, само собой, был мне велик. Даже с закатанными рукавами я выглядела мешковатой обезьяной, собирающей бананы. Но, как по мне, зимой хорошо греющая шерсть бьет ледяную моду одной левой.

Я всегда помнила о том, что не надо просить одежду на Рождество. Если ты наверняка так и так ее получишь, зачем тратить желание?

В прошлом году я попросила Деда Мороза[2 - В авторском варианте Father Christmas.] подарить мне кое-какие очень нужные лабораторные изделия из стекла и даже потрудились составить по пунктам список мензурок, реторт и мерных стаканов, аккуратно спрятав его под подушкой, и, слава богу, он их принес!

Фели и Даффи не верят в Деда Мороза, и, полагаю, именно поэтому он всегда приносит им такие никчемные подарки: в основном душистое мыло, халаты и тапочки, с виду и на ощупь как будто скроенные из турецкого ковра.

Дед Мороз, неустанно повторяли они, – для детей.

«Это не более чем жестокая мистификация, сочиненная родителями, которые хотят сделать подарки противным отпрыскам, не прикасаясь к ним, – утверждала Даффи в прошлом году. – Это миф. Поверь мне. Я, в конце концов, старше тебя и знаю».

Поверила ли я ей? Не знаю. Оставшись одна и поразмыслив об этом без слез, я приложила все свои незаурядные дедуктивные способности к решению этого вопроса и пришла к выводу, что мои сестры лгут. Кто-то, в конце концов, принес ведь мензурки, не так ли?

Есть только несколько возможных кандидатур. Отец, полковник Хэвиленд де Люс, беден и поэтому отпадает, моя мать, Харриет, тоже – она погибла в горах, когда я была совсем маленькой.

Доггер, правая рука отца, просто не обладает достаточными умственными, физическими и денежными ресурсами, чтобы тайком в ночи притаскивать роскошные дары в продуваемую ветрами сельскую усадьбу. Доггер был военнопленным на Дальнем Востоке и пережил такое, что его разум остался связанным с теми ужасами невидимой эластичной пуповиной – пуповиной, за которую порою дергал жестокий рок, причем обычно в самые неподходящие моменты.

«Ему приходилось есть крыс! – рассказывала мне на кухне миссис Мюллет, широко распахнув глаза. – Крыс, подумать только! Им приходилось их жарить!»

Поскольку все домочадцы были по той или иной причине дисквалифицированы в роли дарителя, оставался только Дед Мороз.

Он снова придет меньше чем через неделю, и, дабы утрясти сей вопрос на веки вечные, я давным-давно составила план, как поймать его в ловушку.

Научным путем.

Птичий клей, как скажет вам любой практикующий химик, можно легко получить путем вываривания коры падуба в течение восьми-девяти часов, затем двухнедельного выдерживания под камнем и потом, после выкапывания, промывания и растирания в проточной воде и последующего ферментирования. Это вещество столетиями использовали продавцы певчих птиц, размазывая его по ветвям деревьев, чтобы поймать птиц, которых они потом продавали на улицах города.

Великий сэр Фрэнсис Гальтон описал метод получения птичьего клея в своей книге «Искусство путешествовать, или Хитрости и уловки, доступные в диких странах», экземпляр с автографом я обнаружила среди стопки густо исчерканных его работ в библиотеке дядюшки Тара. Я скрупулезно соблюла все инструкции сэра Фрэнсиса – приволокла домой охапки веток падуба из леса Джиббет, на бунзеновской горелке в лаборатории прокипятила их обломки в казане, который одолжила – без ее ведома – у миссис Мюллет. В финальных стадиях я применила парочку собственных химических ухищрений, чтобы придать растертой резине намного больше липкости, чем предполагал оригинальный рецепт. Теперь, шесть месяцев спустя, мое зелье стало достаточно мощным, чтобы на месте остановить габонскую гориллу, и у Деда Мороза – если он существует – не оставалось ни шанса. И если веселый дедушка не носит при себе бутылочку серного эфира, $(C_2H_5)_2O$, чтобы растворить птичий клей, он приклеится к каминной трубе навечно – или до тех пор, пока я не решу его освободить.

Блестящий план. Интересно, почему никто раньше не подумал об этом?

Выглянув из-за занавесок, я увидела, что всю ночь шел снег. Ведомые северным ветром, белые хлопья безумно крутились в свете кухонного окна этажом ниже.

Кто на ногах в такое время? Для миссис Мюллет слишком рано, она еще не могла прийти из Бишоп-Лейси.

И потом я вспомнила!

Сегодня ведь должны приехать незваные гости из Лондона. Как я могла забыть?

Прошло больше месяца с того дня – 11 ноября, того серого и тоскливого осеннего дня, когда все в Бишоп-Лейси безмолвно оплакивают погибших в войнах, – когда отец собрал нас в гостиной и объявил мрачные новости.

«Боюсь, я должен сказать вам, что случилось неизбежное, – наконец произнес он, отвернувшись от окна, в которое он до этого угрюмо смотрел минут пятнадцать. – Нет необходимости напоминать о наших прискорбных финансовых обстоятельствах...»

Он сказал это, забыв о том, что напоминает нам ежедневно – иногда дважды в день – об истощающихся резервах. Букшоу принадлежал Харриет, и, когда она погибла, не оставив завещания (кто, в конце концов, мог представить, что человек, настолько полный жизни, как она, найдет свой конец на горе в далеком Тибете?), начались трудности. Вот уже десять лет отец обменивается учтивыми па «танца смерти», как он это называет, с серыми людьми из министерства налогов ее величества.

Тем не менее, невзирая на растущую кипу счетов на столике в вестибюле и несмотря на учащающиеся телефонные звонки с требованиями от хриплоголых людей из Лондона, отец кое-как умудрялся сводить концы с концами.

Как-то раз, из-за его фобии по отношению к «инструменту», как он именовал телефон, я сама ответила на один такой звонок, и это оказалось довольно забавно, потому что я притворилась, что не говорю по-английски.

Когда телефон снова зазвонил через минуту, я схватила трубку и начала елозить пальцем по трубке.

«Алло! – кричала я. – Алло! Алло! Извините, не слышу вас. Ужасная связь. Перезвоните позже».

В третий раз я сняла трубку и плюнула в микрофон, который сразу же затрещал.

«Пожар, – произнесла я слабым монотонным голосом. – Дом в огне... стены и пол... Боюсь, я должна положить трубку. Простите, но пожарники разбивают окна».

Сборщик налогов больше не перезванивал.

«Мои встречи в комитете по земельным делам, – продолжал отец, – ни к чему не привели. Все кончено».

«Но тетушка Фелисити! – запротестовала Даффи. – Наверняка тетушка Фелисити...»

«Ваша тетушка Фелисити не имеет ни средств, ни намерения облегчить ситуацию. Боюсь, она...»

«Приезжает на Рождество, – перебила Даффи. – Можно спросить у нее, когда она будет тут!»

«Нет, – печально ответил отец, покачивая головой. – Все способы оказались неудачными. Танец кончен. В результате я был вынужден отдать Бук-шоу...»

У меня перехватило дыхание.

Фели подалась вперед, нахмутив брови. Она грызла ноготь – неслыханная вещь для такой тщеславной штучки.

Даффи смотрела из-под полуопущенных век, непроницаемая, как всегда.

«...киностудии, – продолжил отец. – Они приедут за неделю до Рождества и будут распоряжаться здесь, пока не закончат съемки».

«Но как насчет нас? – спросила Даффи. – Что будет с нами?»

«Нам позволено остаться в наших владениях, – ответил отец, – при условии, что мы будем держаться своих комнат и никоим образом не вмешиваться в работу кинокомпании. Прошу прощения, но это лучшие условия, на которых я смог договориться. В обмен мы получим достаточное вознаграждение, чтобы продержаться на плаву – во всяком случае до следующего Женского дня[3 - Женский день – третий день королевских скачек в Аскоте (проходят ежегодно в середине июня), когда дамы по традиции демонстрируют лучшие наряды.]

Мне следовало предполагать что-то подобное. Всего пару месяцев назад нас навестила пара молодых людей в шарфах и фланелевых костюмах, которые провели два дня, фотографируя Букшоу под всеми мыслимыми углами, снаружи и внутри. Они звались Невилль и Чарли, и отец был крайне туманен насчет их намерений. Предположив, что это просто очередное фото в «Сельскую жизнь», я выбросила произошедшее из головы.

Отец снова повернулся к окну и устремил взгляд на свои злосчастные владения.

Фели поднялась и с небрежным видом подошла к зеркалу. Наклонилась вперед, разглядывая свое отражение.

Я знала, что у нее на уме.

«Есть предположения, о чем он? – поинтересовалась она не совсем своим голосом. – Имею в виду фильм».

«Очередная дурацкая мелодрама, полагаю, – ответил отец не поворачиваясь. – Я не потрудились спросить».

«Известные актеры?»

«Никто из тех, кого я знаю, – сказал отец. – Агент трещал о ком-то по фамилии Уиверн, но мне это ничего не говорит».

«Филлис Уиверн? – Даффи пришла в возбуждение. – Не Филлис Уиверн?»

«Да, точно, – отец просветлел, но не надолго. – Филлис. Имя было знакомое. Так зовут председательницу Гемпширского филателистического общества. Только она Филлис Брамбл, – добавил он, – не Уиверн».

«Но Филлис Уиверн – величайшая кинозвезда в мире! – изумленно произнесла Фели. – В галактике!»

«Во вселенной, – торжественно добавила Даффи. – “Дочь сердитого сторожа” – она играла Минну Килгор, помнишь? “Анна из степей”... “Любовь и кровь”... “Облаченная для смерти”... “Лето тайны”... Она должна была играть Скарлетт О’Хара в “Унесенных ветром”, но подавилась персиковой косточкой перед пробами и не могла говорить».

Даффи была в курсе всех последних киноплетен, поскольку пролистывала журналы в газетном киоске Бишоп-Лейси.

«Она приезжает в Букшоу? – уточнила Фели. – Филлис Уиверн?»

Отец изобразил подобие пожатия плечами и продолжил мрачно смотреть в окно.

Я поспешила вниз по восточной лестнице. Столовая была погружена во мрак. Когда я вошла в кухню, Даффи и Фели подняли кислые взгляды от лоханок с кашей.

– О, вот и ты, дорогуша, – сказала миссис Мюллет. – Мы только что говорили о том, что надо отправить поисковую партию, чтобы узнать, жива ли ты. Давай-ка поторопись. Эти киношники будут здесь, не успеешь и глазом моргнуть.

Я проглотила завтрак не жуя (комковатую кашу и подгоревший тост с лимонным йогуртом) и собиралась сбежать, когда кухонная дверь открылась и вместе с порывом холодного свежего воздуха появился Доггер.

– Доброе утро, Доггер, – сказала я. – Будем сегодня выбирать дерево?

Сколько я себя помнила, по традиции за неделю до Рождества сестры и я вместе с Доггером отправлялись в лес в восточной части Букшоу, где серьезно изучали деревья, оценивая каждое по высоте, форме, густоте и общему виду, перед тем как наконец выбрать победителя.

На следующее утро, словно по волшебству, избранное дерево появлялось в гостинной, прочно зафиксированное в ведерке для угля и предоставленное нашим заботам. Мы все, за исключением отца, проводили день в ворохе древней мишуры, серебряных и золотых гирлянд, разноцветных стеклянных шаров и маленьких ангелочков, трубящих в картонные трубы, растягивая как можно дольше выполнение наших маленьких поручений до тех пор, пока, к нашему сожалению, дело не было сделано.

Поскольку это единственный день в году, когда мои сестрицы ведут себя по отношению ко мне чуть менее мерзко, чем обычно, я нетерпеливо жду его с едва сдерживаемым волнением. Один-единственный день – или, по крайней мере, несколько часов – мы будем вести себя друг с другом аккуратно-вежливо, поддразнивая и шутя, иногда даже смеясь вместе, как будто мы бедная, но жизнерадостная семья из романов Диккенса.

Я уже улыбалась в предвкушении.

– Боюсь, нет, мисс Флавия, – сказал Доггер. – Полковник распорядился оставить дом как есть. Таковы пожелания людей из съемочной группы.

– О, к черту съемочную группу! – воскликнула я, вероятно, слишком громко. – Они не могут помешать нам отпраздновать Рождество.

Но по печальному выражению лица Доггера я тут же поняла, что могут.

– Я поставлю маленькое деревце в оранжерее, – сказал он. – В холодном воздухе оно простоит дольше.

– Но это будет не то же самое! – запротестовала я.

– Будет, – признал Доггер, – но мы сделаем, что можем.

Не успела я придумать ответ, как в кухню вошел отец, сердито глядя на нас, как будто он управляющий банком, а мы предатели-вкладчики, как-то ухитрившиеся проникнуть сквозь преграды до открытия банка.

Мы сидели, опустив глаза, пока он не открыл «Лондонского филателиста» и не приступил к намазыванию тоста бледным маргарином.

– Хороший снежок выпал ночью, – жизнерадостно заметила миссис Мюллет, но по ее обеспокоенному взгляду в сторону окна я поняла, что она неискренна. Если ветер продолжит дуть с такой силой, когда она закончит работу, ей придется пробираться домой сквозь сугробы.

Конечно, если погода будет очень сурова, отец велит Доггеру вызвать Кларенса Мунди с его такси, но с таким сильным встречным ветром никогда не знаешь, сможет ли Кларенс проехать по глубоким сугробам, которые неизбежно образовались между зазорами в изгородях. Как всем нам известно, иногда до Букшоу можно добраться только пешком.

Когда Харриет была жива, пользовались санями с колокольчиками и одеялами – на самом деле сани до сих пор стоят в темном углу в гараже, позади «роллс-ройса фантом II», принадлежавшего Харриет, то и другое было памятником покойной хозяйке. Увы, лошадей давно не было: их продали с аукциона после ее

смерти.

В отдалении что-то загроыхало.

– Послушайте! – сказала я. – Что это было?

– Ветер, – ответила Даффи. – Ты будешь последний тост, или я его съем?

Я схватила ломтик хлеба и проглотила его всухомятку, выбегая в вестибюль.

2

Порыв холодного ветра швырнул мне в лицо шквал снежных хлопьев, когда я с трудом открыла тяжелую входную дверь. Я обхватила себя руками, дрожа, и выглянула наружу, в зиму.

В первом свете дня окрестности казались черно-белой фотографией – обширные пространства заснеженных лугов с чернильно-черными силуэтами нагих безлиственных каштанов, окаймляющих подъездную аллею. Там и тут на лужайках к земле приникли кусты под снежными шапками, как будто сгибаясь под тяжелой ношей.

Из-за валившего снега Малфордские ворота было не разглядеть, но там что-то двигалось.

Я стерла растаявшую влагу с глаз и снова всмотрелась.

Да! В поле зрения появилась маленькая цветная точка, потом еще одна! Впереди катил огромный мебельный фургон, его алый цвет становился все ярче по мере того, как он приближался ко мне сквозь падающий снег. Следом за ним гроыхали фургоны поменьше, словно процессия заводных слонов... Два... три... четыре... пять... Нет, шесть!

Когда мебельный фургон совершил последний медленный неуклюжий поворот и въехал во двор, я смогла прочитать надпись на его боку. «Илиум филмс», – гласили большие, объемно нарисованные кремовые и желтые буквы.

Грузовики поменьше имели такие же надписи и выглядели впечатляюще, окружив «вожака».

Дверь фургона распахнулась, и вниз спустился массивный мужчина с песочного цвета волосами. Он был одет в комбинезон, на голове плоская шапка, шея закутана красным платком.

Когда он побрел по снегу по направлению ко мне, я внезапно поняла, что рядом стоит Доггер.

– Так это правда, – сказал человек, морщась от ветра.

Недоверчиво качая головой, он приблизился к Доггеру и протянул покрасневшую мясистую ладонь.

– Макналти, – представился он. – «Илиум филмс». Транспортный отдел. Мастер на все руки и старший над всеми.

Доггер пожал его огромную руку, но ничего не ответил.

– Надо отвезти весь этот цирк за дом, подальше от северного ветра. Генератор Фреда начинает буйнить, когда становится слишком холодно. За ним нужно ухаживать, за генератором Фреда. Как тебя зовут, крошка? – внезапно спросил он, поворачиваясь ко мне и нагибаясь. – Маргарет Роуз, готов поспорить. Так точно... Маргарет Роуз. Ты Маргарет Роуз, как пить дать.

Мне очень хотелось отправиться в лабораторию, прихватить мензурку с цианидом, схватить за нос этого олуха, запрокинуть его голову, влить эту штуку ему в глотку, и плевать на последствия.

К счастью, хорошее воспитание удержало меня от этого.

Маргарет Роуз, подумать только!

– Да, верно, мистер Макналти, – сказала я, выдавив удивленную улыбку. – Маргарет Роуз меня зовут. Как только вы догадались?

– Это шестое чувство, которым я одарен, – ответил он с отработанным пожатием плеч. – Ирландская кровь, да, – добавил он, изображая ирландский акцент, и с нахальным видом дотронулся до своей шапки, выпрямляясь. – Итак, – он повернулся к Доггеру, – их светлости прибудут к полудню на автомобилях. Они будут голодны как волки после поездки из Лондона, так что живей! Убедись, что у вас везде стоят ведра с икрой.

Лицо Доггера абсолютно ничего не выражало.

– Эй, я пошутил, парень! – сказал Макналти, и в течение одной ужасной секунды я думала, что он сейчас ткнет Доггера в ребра. – Шучу, понимаешь? Мы путешествуем со своим буфетом.

Он ткнул большим пальцем в сторону одного из грузовиков, терпеливо ожидавших во дворе.

– Пошутил, – произнес Доггер. – Понятно. Если вы будете так любезны снять сапоги и пройти за мной...

Когда Доггер закрыл за нами дверь, Макналти замер в изумлении. Судя по всему, особенно его восхитили две величественные лестницы, ведущие на второй этаж.

– Вот это да! – сказал он. – Люди и правда живут в таких местах?

– Я пришел к выводу, что да, – ответил Доггер. – Сюда, прошу вас.

Я следовала по пятам, пока Доггер устраивал Макналти обзорный тур: столовая, музей огнестрельного оружия, Розовая комната, Голубая комната, Утренняя комната...

– В гостиную и кабинет полковника запрещено входить, – сказал Доггер, – согласно предварительной договоренности. Я прикрепил маленький белый кружок к этим дверям в качестве напоминания, чтобы никто не нарушал... их

приватность.

Он чуть не сказал «нашу приватность». Я уверена.

– Я передам всем, – сказал Макналти. – Никакого беспокойства. Мы тоже довольно замкнуты.

Мы прошли по восточному крылу и оказались в картинной галерее. Я наполовину ожидала, что она окажется как в моем сне: покрытой льдом пустыней. Но помещение оставалось таким, каким было с незапамятных времен: длинная запутанная череда сердитых предков, которые, за несколькими исключениями (например, графиня Дейзи, как говорили, приветствовала гостей Букшоу, делая сальто на крыше в халате из китайского шелка), коллективно и постоянно пребывали в дурном расположении духа, которое никого не могло порадовать.

– Использование картинной галереи обсуждалось... – начал Доггер.

– Но чтобы никаких подкованных гвоздями сапог! – перебил его голос миссис Мюллет.

Уперев руки в боки, она окинула Макналти собственническим взглядом и добавила более мягко:

– Прошу прощения, Доггер, но полковник собирается отбыть в Лондон на филателистическое собрание. Он желает видеть тебя насчет консервированной говядины и тому подобного до отъезда.

«Консервированная говядина» – это кодовая фраза, означающая, что отец хочет одолжить денег на поезд и такси. Я обнаружила это, подслушивая под дверь отцовского кабинета. Лучше бы я этого не знала.

– Разумеется, – сказал Доггер. – Извините.

И он исчез, как обычно.

– Вам придется постелить брезент здесь на пол, – продолжила миссис Мюллет. – Паркет – кажется, так они его называют: вишневое дерево, красное дерево,

орех, береза, шесть разных видов дуба. Нельзя позволить рабочим топтать такой пол, понимаете?

– Поверьте мне, миссис...

– Мюллет, – сказала миссис Мюллет. – Первая буква «М».

– Миссис Мюллет. Меня зовут Макналти – первая буква тоже М, кстати. Патрик Макналти. Могу заверить вас, что команду «Илиум филмс» наняли за их аккуратность. На самом деле могу вам признаться, зная, что дальше это не пойдет, что мы только что снимали эпизод в одной королевской резиденции и не услышали ни единого слова жалобы от сами-знаете-кого.

Глаза миссис Мюллет расширились.

– Вы имеете в виду...

– Именно, – сказал Макналти и приложил палец к губам. – Вы очень проницательны, миссис Мюллет. Я это сразу понял.

Она слабо улыбнулась, словно Мона Лиза, и я поняла, что ее преданность купили. Скользкий тип этот Патрик Макналти.

Доггер вернулся с лицом, ничего не выражающим, кроме внимания. Я последовала за ним, когда он повел нас вверх в западное крыло.

– Комната в южном конце коридора – это будуар мисс Харриет. Он под строгим запретом, и туда не должны входить ни при каких обстоятельствах.

Он произнес это так, будто Харриет только что вышла на пару часов нанести несколько светских визитов в округе. Он не сказал Макналти, что моя мать умерла десять лет назад и что отец берег ее апартаменты как святилище, где никто, как он полагал, не слышит его плача.

– Понятно, – сказал Макналти. – Несомненно.

– Эти две спальни принадлежат мисс Офелии и мисс Дафне, которые на время вашего пребывания будут жить в одной комнате. Выберите любую, какая вам больше подходит для декораций, и они обоснуются в другой.

– Как великодушно с их стороны, – заметил Макналти. – Вэл Лампман выберет. Он наш режиссер.

– Все остальные спальни, гостиные и гардеробные, включая те, что в северной части, могут использоваться, если потребуется, – продолжил Доггер, даже не моргнув глазом при упоминании самого знаменитого режиссера в Англии.

Даже я знала, кто такой Вэл Лампман.

– Я лучше вернусь к съемочной группе, – сказал Макналти, взглянув на часы. – Мы переставим грузовики и займемся разгрузкой.

– Как пожелаете, – ответил Доггер, и мне послышалась нотка печали в его голосе.

Мы спустились по лестнице, Макналти не стесняясь ощупывал перила и выгибал шею, глаза на резные панели.

– Вот это да, – бормотал он вполголоса.

– Никогда не догадаешься, кто режиссер этого фильма! – объявила я, врываясь в гостиную.

– Вэл Лампман, – скучающим голосом сказала Даффи, не поднимая глаз от книги. – Филлис Уиверн теперь больше ни с кем не работает. С тех пор как...

– С каких пор?

– Ты слишком мала, чтобы понять.

– Вовсе нет. Как насчет Боккаччо?

Даффи недавно читала нам вслух за чаем избранные истории из «Декамерона» Боккаччо.

– Это вымысел, – ответила она. – Вэл Лампман – реальная жизнь.

– Где это сказано? – возразила я.

– В «Киномире». Это было на первой полосе.

– Что было?

– О, ради бога, Флавия! – сказала Даффи, отбрасывая книгу. – С каждым днем ты все больше напоминаешь попугая: «С каких пор?», «Кто сказал?», «Что было?».

Она жестоко передразнила мой голос.

– Надо научить тебя говорить: «Кто тут наша хорошенькая птичка?» или: «Полли хочет печенья». Мы уже заказали тебе клетку: славная золотая решеточка и миска для воды, в которой можно плескаться, – не то чтобы тебе пришлось когда-нибудь это делать.

– Иди к черту!

– Сама иди, – ответила Даффи, изображая, будто вытягивает в руке невидимый щит.

– Нет, ты иди! – сказала я, копируя ее жест.

– Ха! У тебя медный щит. Медь ничего не отражает. Ты это знаешь так же, как и я.

– Отражает!

– Нет!

В этот момент в то, что до сих пор было абсолютно цивилизованной дискуссией, вмешалась Фели.

– К вопросу о попугаях, – заметила она. – До твоего рождения у Харриет был миленький попугайчик – хорошенькая птичка, жако по имени Синдбад. Прекрасно его помню. Он умел спрягать по-латыни глагол «любить» и пел строки из «Лорелеи».

– Ты выдумываешь, – заявила я.

– Помнишь Синдбада, Даффи? – сказала Фели, рассмеявшись.

– «И пловец тоскою страстной поражен и упоен»[4 - «Лорелея» Г. Гейне цитируется по переводу Каролины Павловой.], – подхватила Даффи. – Бедолага Синдбад, помнится, забирался на насест, когда кричал эти слова. Чудесно!

– Тогда где же он сейчас? – поинтересовалась я. – Он должен быть еще жив. Попугаи живут больше ста лет.

– Он улетел, – запнувшись, ответила Даффи. – Харриет расстелила одеяло на террасе и вынесла тебя подышать свежим воздухом. Ты как-то умудрилась открыть дверцу клетки, и Синдбад упорхнул. Разве ты не помнишь?

– Я этого не делала!

Фели уставилась на меня взглядом вовсе не сестринским.

– О нет, делала. Впоследствии она часто говорила, что лучше бы это ты улетела, а Синдбад остался.

У меня в груди что-то начало закипать, как в паровом котле.

Я сказала запрещенное слово и чопорно вышла из гостиной, поклявшись отомстить.

Временами старый добрый стрихнин – именно то, что надо.

Я пойду наверх в химическую лабораторию и приготовлю лакомство, которое заставит моих ненавистных сестричек молить о милосердии. Да, так и сделаю! Я приправлю их сэндвичи с яичным салатом чуточкой рвотного ореха. Это заставит их неделю держаться подальше от приличного общества.

Я преодолела половину лестницы, когда раздался звонок в дверь.

– Проклятье! – сказала я. Больше всего на свете ненавижу, когда меня прерывают в тот момент, когда я собираюсь сотворить нечто прекрасное с химикалиями.

Я спустилась обратно и сердито распахнула дверь.

Передо мной, глядя сверху вниз, стоял шофер в ливрее: светло-шоколадного цвета мундир, отороченный шнуром по краю, расклешенные книзу бриджи, заправленные в высокие желто-коричневые сапоги, фуражка и пара мягких коричневых кожаных перчаток, которые он с преувеличенной небрежностью держал в идеально ухоженных руках.

Он мне не понравился, и, по здравому размышлению, я ему тоже не понравилась.

– Де Люс? – спросил он.

Я не шевелилась, ожидая подобающего обращения.

– Мисс де Люс?

– Да, – неохотно ответила я, бросая взгляд за его спину, как будто в кустах могли прятаться еще такие, как он.

Фургон и грузовики уехали со двора. Путаница отпечатков шин подсказала мне, что их переставили на задний двор. На их месте, безмолвно растянувшись под порывами снежного ветра, стоял черный лимузин «даймлер», отполированный до нереального блеска, будто катафалк.

– Войдите и закройте дверь, – сказала я. – Отец не очень любит снежные заносы в вестибюле.

– Прибыла мисс Уиверн, – торжественно объявил он.

– Но... – выдавила я, – их не ждали раньше полудня.

Филлис Уиверн! Мысли в моей голове завертелись. В отсутствие отца наверняка никто не ожидает, что я...

Я видела ее на голубом экране, конечно же, не только в «Гомоне», но и в маленьком кинотеатре на задворках Хинли. И еще один раз, когда викарий нанял мисс Митчелл, управляющую фотостудией в Бишоп-Лейси, показать «Жену пастора» в приходском холле Святого Танкреда в надежде, я полагаю, что эта история пробудит сочувствие в душах нас, прихожан, к его крысинолицей – и с крысиной душой – жене Синтии.

Само собой, желаемого эффекта это не возымело. Несмотря на то что пленка была очень старая и поцарапанная и во многих местах склеенная встык, из-за чего изображение на экране временами прыгало, словно на веревочках, Филлис Уиверн была великолепна в роли отважной и благородной миссис Уиллингтон. В конце, когда зажегся свет, даже киномеханик был в слезах, хотя он видел этот фильм уже сотню раз.

И никто не взглянул на Синтию Ричардсон второй раз; я видела, как после этого она в одиночестве шла домой по кладбищу.

Но как говорить с богиней лицом к лицу? Что надо сказать?

– Я позову Доггера, – сказала я.

– Я займусь этим, мисс Флавия, – сказал Доггер, который уже был рядом.

Не знаю, как он это делает, но Доггер всегда появляется в самый нужный момент, как одна из тех фигурок, что выскакивают из дверцы в швейцарских часах.

И вот он уже идет к «даймлеру», шофер легко скользит перед ним, стремясь добраться первым, чтобы открыть дверь машины.

Доггер победил.

– Мисс Уиверн, – заговорил он, и его голос ясно донесся до меня в холодном воздухе. – От лица полковника де Люса приветствую вас в Букшоу. Это радость для нас. Полковник просил меня передать его сожаления, что он не может приветствовать вас лично.

Филлис Уиверн оперлась на протянутую руку Доггера и выступила из машины.

– Осторожнее, мисс. Сегодня утром довольно скользко.

Я отчетливо видела каждый ее выдох в холодном воздухе, когда она взяла Доггера под руку и поплыла к парадному входу. Поплыла! Нельзя было назвать это другим словом. Несмотря на скользкую дорогу, Филлис Уиверн плыла ко мне, как привидение.

– Мы ожидали вас не раньше полудня, – говорил Доггер. – Сожалею, что дорожки еще не полностью расчищены и не везде натоплено.

– Не беспокойтесь об этом, мистер...

– Доггер, – подсказал Доггер.

– Мистер Доггер. Я обычная девушка из Голдерс-Грин. Хаживала по снегу и раньше, и, полагаю, мне доведется делать это и впредь. Ой! – Она захихикала, сделав вид, будто поскользнулась, и уцепилась за его руку.

Я не верила своим глазам, какая же она маленькая, ее голова едва достигала его плеча.

На ней был надет облегающий черный костюм с белой блузкой и черно-желтым шарфом из «Либерти»[5 - «Либерти» – дорогой магазин в Лондоне на Риджентстрит.], и, несмотря на серость дня, ее лицо напоминало цветом сливки на залитой летним солнцем кухне.

– Привет! – сказала она, остановившись передо мной. – Я уже видела это лицо. Ты Флавия де Люс, если не ошибаюсь. Я надеялась, что ты здесь.

У меня остановилось дыхание, но мне было наплевать.

– Твоя фотография была в «Дейли миррор». Это ужасное происшествие со Стонепенни или Бонепенни, или как там его звали.

– Бонепенни, – сказала я. – Гораций Бонепенни.

Я оказала помощь полиции в этом деле, когда они зашли в абсолютный тупик.

– Точно! – Она схватила меня за руку, будто мы сестры. – Бонепенни. Я оплачиваю подписку на «Полицейскую газету» и «Настоящее преступление» и не пропускаю ни единого выпуска «Всемирных новостей». Просто обожаю читать о великих убийцах: утопленные жены[6 - Имеется в виду дело британского серийного убийцы Джорджа Джозефа Смита (1872–1915), утопившего трех своих жен в ванной ради получения страховки.], излингтонский убийца[7 - Излингтон – район в Лондоне. Филлис немного запуталась. Излингтонский убийца – это доктор Харви Кrippen (1862–1910), американский врач, убивший свою жену-актрису и так изуродовавший тело, что его долго не могли опознать. Дело доктора Кrippена было очень шумевшим, легло в основу ряда художественных произведений (в том числе «Излингтонской загадки») и даже мюзикла.], майор Армстронг[8 - Герберт Р. Армстронг (1869–1922) – английский солиситор, осужденный за убийство жены (отравил ее мышьяком). Также пытался с помощью мышьяка избавиться от своего конкурента.], доктор Кrippen... Это так драматично! Заставляет задуматься, не так ли? Чем была бы жизнь, в конце концов, без озадачивающей смерти?

«Именно!» – подумала я.

– А теперь, думаю, нам надо войти и не держать бедного мистера Доггера на морозе.

Я бросила взгляд на Доггера, но выражение его лица можно было сравнить разве что с мельничным прудом.

Когда она прошла мимо меня, я не смогла удержаться от мысли: «Я дышу одним воздухом с Филлис Уиверн!»

Внезапно мой нос наполнился ее духами – ароматом жасмина.

Вероятно, они были сделаны в какой-нибудь парфюмерной лавке, подумала я, из фенола и уксусной кислоты. Фенол, припомнила я, был открыт в середине XVII века немецким химиком Иоганном-Рудольфом Глаубером, хотя его смог выделить только почти двести лет спустя его земляк, Фридрих-Фердинанд Рунге, получивший его из угольной смолы и окрестивший «карболовой кислотой». Я синтезировала это весьма ядовитое вещество с помощью процесса, включавшего неполное окисление бензола, и с удовольствием припоминаю, что это самое мощное бальзамирующее средство, известное человечеству, его используют, когда тело должно храниться долго-долго.

Также оно встречается в некоторых сортах шотландского виски.

Филлис Уиверн прошелестела мимо меня в вестибюль и теперь с восторженным видом описывала по нему круг.

– Какой мрачный старый дом! – сказала она, хлопая в ладоши. – Он идеален! Совершенно идеален!

К этому времени шофер принес багаж и теперь составлял его аккуратной горкой рядом с дверью.

– Оставь вещи тут, Энтони, – распорядилась она. – Кто-нибудь о них позаботится.

– Да, мисс Уиверн, – ответил он, устраивая целое представление из выполнения приказа. Только что каблуками не щелкнул.

В нем было что-то смутно знакомое, но я никак не могла сообразить, что именно.

Он стоял там довольно долго, совершенно неподвижно, будто ожидал чаевых, – или он ждал, что его пригласят выпить и выкурить сигару?

– Можешь идти, – объявила она довольно резко, и чары были нарушены. Вмиг он превратился в не более чем хориста в «Шоколадном солдате»[9 - «Шоколадный солдат» (1908) – оперетта Оскара Штрауса по пьесе Бернарда Шоу. В 1941 году по ней был снят одноименный фильм.]

– Да, мисс Уиверн, – ответил он, и, когда он отвернулся от нее к двери, я заметила на его лице выражение... Что это было? Презрение?

3

Здесь больше солнца, – говорил Доггер. – Если не возражаете, мы разместим вас здесь, пока предназначенная вам спальня не будет готова.

Мы осматривали спальни и наконец зашли в комнату Фели.

Поскольку это время года не баловало нас солнцем, я предположила, что Доггер думает о днях минувших.

– Она прекрасно подойдет, – сказала Филлис Уиверн, подплывая к окну. – Вид на маленькое озеро – есть... Романтические развалины – есть... Видно фургон с гардеробом. Что еще может желать ведущая актриса?

– Могу я помочь распаковать ваши вещи? – спросил Доггер.

– Нет, благодарю. Бан об этом позаботится. Она сейчас придет.

– Мне не сложно, уверяю вас, – сказал Доггер.

– Очень мило с вашей стороны, Доггер, но нет, я вынуждена настаивать. Бан – большая собственница. Она будет рвать и метать, если подумает, что кто-то притрагивался к моим вещам.

– Понятно, – сказал Доггер. – Что-нибудь еще? Могу я попросить миссис Мюллет принести вам чайник чаю?

– Доггер, вы бесценное сокровище. Это именно то, чего я хочу. Надену что-нибудь поудобнее и погружусь в ужасный сценарий Вэла. Чего стоит жизнь, если я не буду знать его в совершенстве к тому моменту, когда включат огни?

– Благодарю, мисс, – сказал Доггер и ушел.

– Забавный сухарь, – заметила она. – Он с тобой всю жизнь?

– Отец и Доггер вместе служили в армии, – сказала я, слегка ошетинившись.

– А, братья по оружию. Обычное дело сегодня, я понимаю. Друг за друга. Ты спасаешь мою жизнь, а я спасу твою. Может быть, ты видела меня в «Окопе в гостинной»? Примерно тот же сюжет.

Я покачала головой.

В этот момент распахнулась дверь и влетела Фели.

– Что, черт побери, ты вытворяешь? – заорала она. – Я тебе уже говорила, что будет, если я снова поймаю тебя в моей комнате!

Она не заметила, что у окна стоит Филлис Уиверн, и попыталась схватить меня.

– Нет!

Фели резко обернулась, чтобы посмотреть, кто говорит. Поднятая рука упала и безвольно повисла вдоль тела.

Секунду они стояли, уставившись друг на друга, Фели – будто столкнулась с ужасным привидением, Филлис Уиверн выглядела так же, как в последних кадрах «Стеклянного сердца», когда она непокорно цеплялась за шпиль собора.

Затем нижняя губа Фели задрожала и глаза наполнились слезами.

Она развернулась и убежала.

– Значит, – сказала Филлис Уиверн после продолжительного молчания, – у тебя есть старшая сестра.

– Это Фели, – ответила я. – Она...

– Нет нужды объяснять. Старшие сестры всего мира очень похожи: полчаски любви, полчаски презрения.

Я сама не могла бы дать лучшего определения!

– У меня такая же сестра, – добавила она. – На шесть лет старше?

Я кивнула.

– Моя тоже. Вижу, у нас намного больше общего, чем любовь к ужасным убийствам, Флавия де Люс?

Она пересекла комнату и, подняв мой подбородок, заставила меня посмотреть ей в глаза. И обняла меня.

Она действительно обняла меня, и я вдохнула ее жасмин – искусственный или нет.

– Пойдем на кухню за чаем. Избавим миссис Мюллет от необходимости нести его наверх.

Я радостно улыбнулась ей и чуть не взяла за руку.

– А также, – добавила она, – воспользуемся шансом узнать свежие сплетни. Кухни – очаги скандала, знаешь ли.

* * *

– О-о-о! – сказала миссис Мюллет, когда мы вошли в кухню. Если не считать этого и изумленного взгляда, она справилась неплохо.

– Мы решили спуститься в командную рубку, – объявила Филлис Уиверн. – Могу я чем-нибудь помочь?

Я увидела, что она полностью обезоружила миссис Мюллет – так запросто.

– Нет-нет-нет, – задыхаясь, ответила она, – присаживайтесь, пожалуйста, мисс. Вода почти закипела, и пирог с салом[10 - Пирог с салом (lardy cake) – праздничный пирог или хлеб, популярный на юго-западе Англии. Ингредиенты – мука, сахар, специи, изюм и свежеевытопленное сало, которое должно все хорошенько пропитать.] поспевает в духовке.

– Пирог с салом! – воскликнула Филлис Уиверн, закрывая лицо ладонями и бросая лукавые взгляды сквозь пальцы. – Господи боже! Я не ела его со времен, когда ходила с косичками!

Миссис Мюллет просияла.

– Я пеку его на Рождество, как делала моя мать и еще раньше ее мать. Пирог с салом объединяет семью, так сказать.

Он и правда объединяет, но я не пророню ни слова на эту тему.

– И вот, – сказала миссис Мюллет, доставая пирог из духовки с помощью пары прихваток и помещая его на подставку. – Посмотрите! Почти можно есть!

Старая шутка, слышанная раз сто, но я послушно засмеялась. В ней больше правды, чем думает Филлис Уиверн, но я не хочу испортить ей удовольствие. Кто знает? Может, она найдет эту гадость съедобной.

Если бы готовка была игрой в дартс, стряпня миссис Мюллет редко бы попадала в цель.

Миссис Мюллет разрежала пирог на двенадцать частей.

– По два кусочка на нос, – объявила она, бросив взгляд на Доггера, вошедшего в кухню. – Вот чему учили нас у леди Рекс-Уэллс: два кусочка на нос сэберегут вас от дыры. Она имела в виду «от могилы», конечно. Старая леди говорила, что это

относится к каждому, от нее самой до помощника садовника. Натуральная фурия, вот кто она была, но дожила до девяноста девяти с половиной лет, так что в ее словах что-то есть.

– Что вы об этом думаете, Доггер? – поинтересовалась Филлис Уиверн у Доггера, который скромно пил чай, стоя в углу.

– Хорошее сало помогает вырабатываться желчи. Хорошая желчь способствует пищеварению, что удлиняет жизнь, – неуверенно сказал Доггер, глядя в чашку. – Так я слышал.

– И все благодаря двойной порции пирога с салом! – воскликнула Филлис Уиверн, радостно хлопая в ладоши. – Что ж, за вторую сотню лет!

Она взяла вилку и поднесла маленький кусочек ко рту, остановившись на полпути, чтобы одарить миссис Мюллет улыбкой, должно быть, стоившей тысячу гиней.

Она задумчиво пожевала.

– О мой бог! – сказала она, кладя вилку на тарелку. – Боже ж ты мой!

Даже ее великолепное актерское мастерство не помогло подавить тошноту.

– Я знала, что вам понравится, – прокукарекала миссис Мюллет.

– Но я должна быть жестокой и держать себя в узде, – сказала Филлис Уиверн, небрежно отодвигая тарелку и вставая из-за стола. – Я толстею, как свинья, от пирога, а уж когда речь идет о пироге с салом, достаточно дня, чтобы он изо рта перебрался на бедра. Уверена, вы понимаете.

Миссис Мюллет убрала тарелку и поставила ее за раковину немного чересчур аккуратно.

Я не сомневалась, что она унесет этот кусок домой, завернет в подарочную упаковку и поставит в горку между фарфоровыми солонкой и перечницей в виде собачек с надписью «Подарок из Блэкпула» и изящной стеклянной птицей,

двигавшейся вниз-вверх и пьющей воду из трубочки.

Когда в гости придет ее подруга миссис Уоллер, миссис Мюллет почтительно развернет заплесневевшие останки. «Никогда не догадаешься, кто откусил этот кусочек! – шепотом скажет она. – Филлис Уиверн! Взгляни, еще видны следы ее зубов. Смотри, только быстро, а то зачерствеет».

Зазвонил дверной звонок, и Доггер отставил свой чай.

– Это, должно быть, Бан, – с хитрой улыбкой сказала Филлис Уиверн. – Скажет, что опоздала на пересадку на Паддингтоне. Она всегда так.

– Я приготовлю ей чашечку доброго чая, – сказала миссис Мюллет. – От поезда в желудке всегда нехорошо, по крайней мере у меня. – И прошептала мне на ухо: – Проблемы по задней части.

Через секунду вернулся Доггер, за которым следовала кругленькая маленькая женщина в очках в железной оправе и с волосами, собранными сзади в большой тугий узел, словно хвост Аякса – коня, когда-то принадлежавшего одному из моих предков, Флоризелю де Люсу. Они оба, Флоризель и Аякс, увековечены в масле и висят рядом в портретной галерее.

– Простите за опоздание, мисс Уиверн, – сказала новая гостья. – Такси свернуло не туда, и я опоздала на пересадку на Паддингтоне.

Филлис Уиверн торжествующе окинула взглядом всех нас, но ничего не сказала.

Мне стало жаль коротышку, суевившуюся, как пушечное ядро.

– Кстати, меня зовут Бан Китс, – представилась она, кивнув каждому из нас. – Личная помощница мисс Уиверн.

– Бан – моя костюмерша, но у нее есть даже более великое призвание, – произнесла Филлис Уиверн надменным театральным голосом, и я не смогла определить, шутит ли она. – Поспешите, Бан, – добавила она. – Одна нога тут, вторая там. Мой гардероб ждет, когда его распакут. И если мое розовое платье снова помялось, я с радостью удушу тебя.

Она произнесла это довольно мило, однако Бан Китс не улыбнулась.

– Вы имеете отношение к поэту, мисс Китс? – выпалила я, стремясь разрядить обстановку.

Даффи однажды читала мне «Оду соловью», и я навсегда запомнила ту часть, которая касалась употребления болиголова.

– Отдаленное, – ответила она и ушла.

– Бедняжка Бан, – сказала Филлис Уиверн. – Чем больше она старается... тем больше она старается.

– Я помогу ей, – вызвался Доггер, двинувшись к двери.

– Нет!

На миг – но только на миг – лицо Филлис Уиверн превратилось в греческую маску: широко открытые глаза и искаженный рот. И почти сразу же ее черты смягчились беспечной улыбкой, как будто ничего и не было.

– Нет, – спокойно повторила она. – Не надо. Бан должна получить маленький урок.

Я попыталась поймать взгляд Доггера, но он отошел в сторону и начал переставлять банки в кладовой.

Миссис Мюллет усердно занялась полировкой плиты.

Когда я потащилась наверх, дом показался мне холоднее, чем раньше. Из высоких, не прикрытых занавесками окон лаборатории я взглянула на фургоны «Илиум филмс», столпившиеся, словно слоны на водопое, вокруг красных кирпичных стен кухонного огорода.

Члены съемочной группы делали свою работу, словно хорошо слаженный балет, – поднимали, передвигали, выгружали перевязанные веревкой коробки: всегда в нужном месте в нужное время оказывалась пара рук. Легко заметить,

что они делали это много раз.

Я согрела ладони над приветственным пламенем бунзеновской горелки, потом вскипятила в мензурке молоко и добавила хорошую ложку «Овалтина»[11 - «Овалтин» – вкусовая добавка из сахара, какао, солода и яиц в виде порошка. Кладется в молоко. Изобретена была в Швейцарии, в 1909 г. была привезена в Англию, где, собственно, и получила свое название и стала пользоваться популярностью.]. В это время года, чтобы держать молоко охлажденным, холодильник не нужен: я просто хранила бутылку на полке, в алфавитном порядке, между магнезией и морфием, бутылочка которого была подписана аккуратным почерком дяди Тара.

Дядю Тара отчислили из университета при таинственных обстоятельствах прямо накануне последних экзаменов. Его отец в целях компенсации построил выдающуюся химическую лабораторию в Букшоу, где дядюшка Тар провел остаток дней, занимаясь, как говорили, сверхсекретными исследованиями. В его бумагах я нашла несколько писем, давших понять, что он был одновременно другом и советником молодого Уинстона Черчилля.

Потягивая «Овалтин», я устремила взгляд на картину, висящую над камином: прекрасная молодая женщина с двумя девочками и младенцем. Девочки – мои сестры, Офелия и Дафна. Младенец – я. Женщина – конечно же моя мать, Харриет.

Харриет заказала эту картину тайно, в качестве подарка отцу, незадолго до путешествия, оказавшегося для нее последним. Картина пролежала десять лет, почти забытая, в студии художницы в Мальден-Фенвике, пока я не обнаружила ее там и не вернула домой.

Я строила радостные планы повесить портрет в гостиной: срежиссировать неожиданное торжественное открытие портрета для отца и сестер. Но моему заговору воспрепятствовали. Отец застиг меня, когда я пыталась контрабандой пронести портрет в дом, отобрал его и унес в кабинет.

На следующее утро я нашла портрет в своей лаборатории.

Почему? – думала я. Отец решил, что это слишком тяжело – смотреть на свою разрушенную семью?

Нет сомнения, что он любил – и до сих пор любит – Харриет, но иногда мне казалось, что сестры и я не более чем вездесущие напоминания о том, что он потерял. Для отца мы, как однажды сказала Даффи, трехголовая гидра, каждое лицо которой – туманное зеркало минувшего.

Даффи – романтик, но я знала, что она имела в виду: мы – мимолетные копии Харриет.

Возможно, именно поэтому отец проводил дни и ночи среди почтовых марок: окруженный тысячами дружелюбных, успокаивающих, не задающих вопросов лиц, ни одно из которых, в отличие от лиц его дочерей, не дразнило его с утра до ночи.

Я думала на эту тему, пока у меня мозги не начинали кипеть, но я так и не поняла, почему мои сестры так меня ненавидят.

Букшоу – некая мрачная академия, куда меня низвергла Судьба, дабы я изучила законы выживания? Или моя жизнь – игра, правила которой я должна угадать?

Требуется ли мне определить, каким загадочным образом они меня любят?

Я не могу придумать ни одной причины для жестокости моих сестер.

Что я им сделала?

Ну, конечно, я их травила ядом, но несильно и только в отместку. Я никогда, или почти никогда, не начинала ссору первой. Я всегда не виновна...

– Нет! Осторожно! Осторожно!

Снаружи донесся стон, сначала резкий и мучительный, потом быстро оборвавшийся. Я подскочила к окну и выглянула посмотреть, что происходит.

Рабочие столпились вокруг человека, припильенного к боку грузовика опрокинувшимся ящиком.

По красному платку на шее я опознала Патрика Макналти.

Я слетела по лестнице, через пустую кухню выбежала на террасу, даже не побеспокоившись накинуть пальто.

Нужна помощь. Из съемочной группы никто не знает, куда обратиться.

– Не подходите! – сказал водитель, хватая меня за плечи. – Несчастный случай.

Я вырвалась из его рук и протолкалась ближе.

Дела Макналти были плохи. Его лицо приобрело оттенок сырого теста. Глаза, в которых блестела влага, встретились с моими, и губы шевельнулись.

– Помогите, – мне показалось, он прошептал.

Я сунула указательный и безымянный пальцы в рот и издала пронзительный свист: трюк, которому я научилась, наблюдая за Фели.

– Доггер! – закричала я и опять свистнула – изо всех сил, молясь, чтобы Доггер оказался в пределах слышимости.

Не отводя от меня глаз, Макналти испустил болезненный стон.

Двое мужчин тянули ящик.

– Нет! – сказала я громче, чем намеревалась. – Не трогайте!

Я слышала по радио – или читала где-то? – о жертве несчастного случая, истекшей кровью, когда от его ног слишком быстро отодвинули железнодорожный кран.

К моему удивлению, тот из двоих, который крупнее, согласно кивнул.

– Перестаньте, – сказал он. – Она права.

И тут появился Доггер, проталкиваясь сквозь собравшуюся толпу.

Вокруг Доггера есть аура, которая не терпит глупостей. Она не всегда ощутима, на самом деле в большинстве случаев ее не воспринимаешь.

Но не думаю, чтобы когда-либо я чувствовала эту его силу, чем бы она ни была, так мощно, как в этот конкретный момент.

– Возьмите меня за руку, – Доггер обратился к Макналти, просовывая ладонь между грузовиком и ящиком, который теперь опасно потряхивало.

Странная штука, почти библейская. Возможно, дело в его спокойном голосе.

Окровавленные пальцы Макналти шевельнулись и переплелись с пальцами Доггера.

– Не так сильно, – сказал Доггер. – Вы раздавите мне руку.

Болезненная неловкая улыбка скользнула по лицу Макналти.

Доггер расстегнул верхнюю часть толстой куртки Макналти, потом медленно просунул ладонь в рукав. Его длинная рука скользнула вдоль руки Макналти, ощупывая дюйм за дюймом пространство между опрокинувшимся ящиком и грузовиком.

– Вы говорили, что вы мастер на все руки, мистер Макналти, – сказал Доггер. – Что вы умеете, к примеру?

Станный вопрос, но глаза Макналти медленно переместились с меня на Доггера.

– Плотник, – произнес он сквозь стиснутые зубы. Легко понять, что он испытывает ужасную боль. – Электрик... водопроводчик... чертежник...

Холодный пот крупными каплями выступил у него на лбу.

– Да? – уточнил Доггер, без остановки что-то делая между тяжелым ящиком и грузовиком. – Что-нибудь еще?

– Немного слесарь... – продолжил Макналти, потом добавил почти извиняющимся тоном: – У меня дома токарный станок...

– Неужели! – удивился Доггер.

– ...чтобы делать модели паровых двигателей.

– А! – сказал Доггер. – Паровые двигатели. Железнодорожные, сельскохозяйственные или стационарные?

– Стационарные, – ответил Макналти сквозь стиснутые зубы. – Я снабжаю их... маленькими медными свистками... и регуляторами...

Доггер снял платок с шеи Макналти и быстро и плотно затянул его вокруг верхней части придавленной руки.

– Сейчас! – резко скомандовал он, и, казалось, сотня жаждущих помочь рук внезапно ухватилась за ящик.

– Давай! Давай! Держи! – говорил один другому не потому, что слова нужны, а словно потому, что они просто были частью ритуала перемещения тяжелого предмета.

И потом довольно неожиданно они отодвинули ящик с такой же легкостью, словно это игрушечный домик.

– Носилки, – потребовал Доггер, и их тут же принесли. Должно быть, они всегда возят их с собой, подумала я.

– Отнесите его на кухню, – скомандовал Доггер, и через считанные мгновения Макналти, закутанный в тяжелое одеяло, опирался на здоровый локоть и потягивал горячий чай из чашки, которую держала миссис Мюллет.

Он подмигнул мне.

– А теперь, мисс Флавия, – сказал Доггер, – не будете ли вы так добры позвонить доктору Дарби...

– Гм... – протянул доктор Дарби, выуживая мятный леденец из бумажного пакетика, который он всегда носил в кармане жилета. – Давайте-ка отвезем вас в больницу, где я смогу хорошенько вас осмотреть. Рентген и всякое такое. Я сам отвезу вас туда, поскольку в любом случае собираюсь ехать в ту сторону.

Макналти с трудом поднялся со стула около кухонного стола, на котором сидел, его рука висела на перевязи, забинтованная от плеча до костяшек.

– Я сам, – проворчал он, когда множество рук протянулись, чтобы помочь ему.

– Положите руку мне на плечо, – сказал ему доктор Дарби. – Добрые люди поймут, что в этом нет ничего такого.

Столпившиеся в углу кухни члены съемочной группы громко расхохотались, как будто доктор превосходно пошутил.

Я наблюдала, как Макналти и доктор Дарби осторожно идут по вестибюлю.

– Ну вот, – пробормотал один из мужчин, когда они ушли. – И как мы будем без Пэта?

– Его заменит Латшоу, верно? – сказал другой.

– Думаю, да.

– Помоги нам Бог, – сказал первый и на самом деле плюнул на кухонный пол.

До этого момента я не осознавала, насколько замерзла. Я запоздало задрожала, что не скрылось от глаз миссис Мюллет, торопливо вышедшей из кладовой.

– Иди-ка наверх, дорогуша, и прими ванну. Полковник будет очень зол, если увидит, что ты шатаешься по снегу почти голая, так сказать. И оторвет нам с Доггером уши. Так что иди наверх.

У подножия лестницы мною овладела неожиданная, но блестящая идея.

Даже летом принимать ванну в восточном крыле – все равно что проводить крупную военную кампанию. Доггер таскает ведра с водой из кухни или из западного крыла, чтобы наполнить оловянную сидячую ванну в моей спальне, а потом воду надо вычерпать и вылить либо в туалет в западном крыле, либо в раковины в моей лаборатории. В любом случае вся эта затея – боль в заднице.

Кроме того, мне никогда не нравилась идея выливать грязную воду в моей святой святых. В этом есть что-то кощунственное.

Решение оказалось довольно простым: я искупаюсь в будуаре Харриет.

Почему мне это раньше в голову не приходило?

Апартаменты Харриет располагали антикварной скользкой ванной, задрапированной высоким полупрозрачным белым балдахином. Словно древний паровозный двигатель, она была оборудована изрядным количеством любопытных кранов, ручек и труб, с помощью которых можно регулировать напор и температуру воды.

Мыться – это может быть почти интересно.

Я улыбнулась в предвкушении, идя по коридору и радуясь мысли о том, что мое замерзшее тело скоро погрузится по уши в горячую пену.

Я остановилась и прислушалась – на всякий случай.

Внутри кто-то пел!

На крыльях голубиных

Улечу далеко-далеко!

Совью в лесу гнездо...

Я приоткрыла дверь и скользнула внутрь.

– Это ты, Бан? Не подашь мне халат? Он висит на двери. О, и пока ты тут, захвати стаканчик чего-нибудь горячительного. Это было бы очень кстати.

Я стояла неподвижно и ждала.

– Бан?

В ее голосе послышалась слабая, но отчетливая нотка страха.

– Это я, мисс Уиверн... Флавия.

– Ради бога, детка, не таись, как мышь. Ты решила испугать меня до смерти? Встань туда, где я могу тебя видеть.

Я обошла полуоткрытую дверь.

Филлис Уиверн сидела по плечи в исходящей паром воде. Ее волосы были собраны на затылке и напоминали стог сена под дождем. Я не могла не заметить, что она совсем не выглядит той женщиной, которую я видела на киноэкране. Во-первых, на ней не было макияжа. Во-вторых, у нее были морщины.

По правде говоря, я почувствовала, будто наткнулась на ведьму в середине перевоплощения.

– Опусть крышку, – сказала она, указывая на унитаз. – Садись и составь мне компанию.

Я сразу же послушалась.

У меня не хватило духу – смелости, честно говоря, – сказать ей, что будуар Харриет под запретом. Но, конечно же, ей неоткуда было об этом знать. Доггер объяснил основные правила Патрику Макналти до ее приезда. Макналти сейчас на пути в больницу в Хинли и, вероятно, не успел объяснить правила остальным.

Часть меня была в благоговейном ужасе от общества самой знаменитой кинозвезды на свете... в галактике... во вселенной!

– На что ты уставилась? – неожиданно поинтересовалась Филлис Уиверн. – На мои морщины?

Я не смогла с ходу придумать дипломатичный ответ.

И кивнула.

– Как ты думаешь, сколько мне лет? – спросила она, взяв длинный портсигар, лежавший на краю ванны. В пару дым был незаметен.

Я тщательно обдумала ответ. Слишком маленькая цифра укажет на лесть, слишком большая может стать катастрофой. Шансы против меня. Если только я не попаду в яблочко, я не выиграю.

– Тридцать семь, – сказала я.

Она выпустила в воздух струю дыма, словно дракон.

– Благослови тебя Боже, Флавия де Люс, – заявила она. – Тридцать семь! Тридцатисемилетний фарш в пятидесятидевятилетней оболочке! Но у меня еще есть порох!

Она гортанно засмеялась, и я поняла, почему ее обожает весь мир.

Она погрузила большую губку в воду, потом выжала ее над головой. Вода потекла по ее лицу, капая с подбородка.

– Взгляни! Я Ниагарский водопад! – заявила она, гримасничая.

Я не смогла удержаться и громко захохотала.

И тут она встала.

В этот момент, будто в сцене одной из тех комедий в двух действиях, что ставит в приходском зале любительский драмкружок Святого Танкреда, донесся громкий голос снаружи:

– Что, гори ты синим пламенем, ты творишь?

Фели.

Она бурей влетела – нет другого слова, чтобы описать это, – бурей влетела в комнату.

– Ты знаешь так же хорошо, как и я, ты, грязная свинюшка, что никому не позволено...

Обнаженная, если не считать пены, Филлис Уиверн стояла, уставившись на Фели сквозь клубы пара.

На секунду время застыло.

Мной овладела безумная мысль, будто меня внезапно бросили в картину Боттичелли «Рождение Венеры», но я быстро прогнала ее: даже если выражение лица Фели отдаленно напоминало надутую физиономию бога ветра Зефира, Филлис Уиверн – никакая не Венера, даже близко.

Лицо Фели приобрело цвет кипятка, в котором варят свеклу.

– Я... я... Прошу прощения, – сказала она, и я возрадовалась.

Даже в такой неудобный момент я не могла прогнать мысль, что первый раз в жизни Фели произнесла эти слова.

Словно придворный, удаляющийся из поля зрения королевского величества, она медленно пятилась, пока не вышла из комнаты.

– Подай мне полотенце, – скомандовала обнаженная королева и выступила из ванны.

– Ах вот вы где, – произнесла Бан Китс позади меня. – Дверь была открыта, и я...

Она заметила меня и тут же заткнулась.

– Ну-ну, – сказала Филлис Уиверн. – Нарушительница Бан наконец удостоила нас своим присутствием.

– Простите, мисс Уиверн. Я присматривала за тем, как распаковывают вещи.

– «Простите, мисс Уиверн. Я присматривала за тем, как распаковывают вещи». Боже, помоги нам.

Она передразнила свою помощницу так же жестоко и оскорбительно, как Даффи меня, но в этом случае имитация была блестящая. Профессиональная.

Я сразу же поняла, что великая актриса не может быть более великой, чем когда играет в собственной жизни.

На глазах Бан Китс выступили слезы, но она наклонилась и начала собирать влажные полотенца.

– Я не думаю, что эти комнаты входят в договоренность, мисс Уиверн, – сказала она. – Я уже приготовила вам ванну в северном крыле.

– Прибери беспорядок, – распорядилась Филлис Уиверн, проигнорировав ее слова. – Вытри пол полотенцами. Нет ничего хуже мокрого пола. Кто-нибудь поскользнется и сломает себе шею.

Я воспользовалась возможностью скрыться.

Снаружи погода ухудшилась. Из окна гостиной я наблюдала, как снег, несомый безжалостным северным ветром, размывает очертания фургонов и грузовиков. К вечеру ветер немного стих, и в надвигающихся сумерках снег валил прямо.

Я отвернулась от окна к Даффи, утонувшей в кресле, свесившей ноги через подлокотник. Она снова читала «Холодный дом»[12 - Роман Ч. Диккенса.].

«Я люблю книги, в которых всегда идет дождь, – однажды сказала она. – Это так похоже на настоящую жизнь». Я не была уверена, что это не очередное ее хитрое оскорбление, поэтому не ответила тогда.

– Снаружи идет чертова туча снега, – заметила я.

– Снег всегда снаружи. И никогда внутри, – отозвалась она, не отрывая глаз от книги. – И не говори «чертова». Это по-плебейски.

– Ты думаешь, отец сможет добраться домой из Лондона?

Даффи пожала плечами.

– Сможет – значит сможет. Нет – переночует у тетушки Фелисити. Обычно она не берет с него за ночлег и завтрак больше пары соверенов.

Она перевернулась в кресле, давая понять, что разговор окончен.

– Я видела Филлис Уиверн сегодня утром, – сказала я.

Даффи не ответила, но я заметила, что ее глаза перестали скользить по строкам. По крайней мере, я привлекла ее внимание.

– Я говорила с ней, пока она принимала ванну, – призналась я, не упоминая, что это происходило в будуаре Харриет. Как бы там ни было, я не крыса.

Ответа не последовало.

– Разве тебе не интересно, Даффи?

– У нас достаточно времени, чтобы познакомиться с этими фиглярами позже. Они всегда устраивают цирк перед тем, как начать съемки. Милость тебе оказывают. Они именуют это «поболтать с деревенщиной». Кто-нибудь проведет нас, покажет их кинопричиндалы и расскажет, какое это чудо. Потом нас познакомят с актерами, начиная с мальчика, который играет героя в детстве и проваливается под лед, и заканчивая Филлис Уиверн.

– Похоже, ты много об этом знаешь.

Даффи слегка распушила перья.

– Я стараюсь всегда быть в курсе, – сказала она. – Кроме того, они сняли несколько эпизодов на натуре у Фостеров, и Флосси вывалила все их грязное белье.

– Я бы не ожидала, что там много грязи, если они только снимали натуру, – заметила я.

– Ты бы удивилась, – мрачно ответила Даффи и продолжила читать.

* * *

В полпятого зазвонил дверной звонок. Я сидела на лестнице, наблюдая, как электрики прокладывают черный кабель из вестибюля в отдаленные уголки дома.

Отец велел нам держаться своих комнат и не лезть под руку, и я изо всех сил старалась его слушаться. Поскольку восточная лестница вела в мою спальню и лабораторию, можно было считать, во всяком случае технически, что это часть моих апартаментов, и я определенно не намеревалась вмешиваться в работу команды.

В вестибюле поставили стулья в несколько рядов, как будто планировалось собрание, и я пробралась мимо них к двери, чтобы посмотреть, кто пришел.

Из-за шума и гама, производимого рабочими, Доггер, должно быть, не слышал звонка.

Я открыла дверь, и там, к моему удивлению, посреди снежного вихря стоял викарий, Денвин Ричардсон.

– А, Флавия, – произнес он, стряхивая хлопья снега с тяжелого черного пальто и топая галошами, как лошадь копытами, – рад тебя видеть. Можно войти?

– Разумеется, – сказала я, но, когда отошла от двери, меня охватило нехорошее предчувствие. – У вас нет нехороших новостей об отце?

Хотя викарий один из самых старых и близких друзей отца, он редко наносит визиты в Букшоу, и я знала, что неожиданный приход викария временами может быть зловещим знаком. Возможно, в Лондоне произошел несчастный случай. Может, поезд сошел с рельсов и перевернулся в снегах. Если это так, не уверена, что хочу узнать об этом первая.

– Боже упаси, нет! – ответил викарий. – Твой отец уехал сегодня в Лондон, не так ли? На собрание филателистов или что-то в этом роде?

Еще одно свойство викариев – они знают все на свете.

– Войдете? – спросила я, не зная, что еще сказать.

Входя, викарий, должно быть, увидел, как я изумленно смотрю на его старый уставший «моррис оксфорд», припаркованный во дворе и выглядевший довольно нарядно для своего возраста: слой снега на крыше и капоте делал его похожим на перемороженный свадебный торт.

– Зимние шины и цепи, – доверительно сказал он. – Секрет каждого поистине успешного пастыря. Мне рассказал епископ, но никому не говори. Он узнал это от американских солдат.

Я ухмыльнулась и захлопнула дверь.

– Бог ты мой! – воскликнул он, уставившись на переплетение кабелей и лес из осветительной аппаратуры. – Я не ожидал, что это будет так.

– Вы об этом знали? О съемках, имею в виду.

– О, конечно да. Твой отец упоминал об этом какое-то время назад... просил меня помалкивать, и, конечно, я молчал. Но теперь, когда по Бишоп-Лейси прокатился длинный эскорт и на землях Букшоу разместился караван-сарай, больше это не секрет, не так ли? Должен признаться тебе, Флавия, с тех пор как я услышал, что здесь будет Филлис Уиверн, я строю планы.

Нечасто нас дарит визитом столь августейшая... столь сверкающая... посетительница, и, в конце концов, надо молотить зерно, которое у тебя есть, – не то чтобы Филлис Уиверн могла именоваться зерном хоть в каком-то смысле, боже мой, нет, но...

– Я встречалась с ней сегодня утром, – вызвалась я.

– Правда? Неужели? Синтия будет ревновать, когда услышит. Ну, может, не ревновать, но самую малость позавидует.

– Миссис Ричардсон – поклонница Филлис Уиверн?

– Нет, не думаю. Синтия, правда, кузина Стеллы Феррарс, написавшей роман «Крик ворона», по которому будет сниматься фильм. Троюродная кузина, но тем не менее.

– Синтия? – Я не верила своим ушам.

– Да, трудно поверить, не так ли? Я сам едва верю. Стелла всегда была паршивой овцой в семье, знаешь ли, пока не вышла замуж за лэрда[13 - Лэрд – шотландский помещик.] и не обосновалась в вересковых пустошах Шотландии и не начала производить на свет череду халтурных романов, из которых «Крик ворона» – просто самый последний. Синтия надеялась заскочить и дать мисс Уиверн несколько наметок на тему того, как следует играть роль героини.

Я чуть не сказала «п-ф-ф-ф!», но удержалась.

– Так вот почему вы здесь? Повидать мисс Уиверн?

– Ну да, – сказал викарий, – но не по этому поводу. Рождество, как ты уже не раз слышала от меня, – это всегда величайшая возможность не только получать, но и давать, и я надеюсь, что мисс Уиверн ясно видит свой путь, дабы воссоздать для нас парочку сцен из ее величайших триумфов – все во имя благого дела, разумеется. «Кровельный фонд», например, боже ж ты мой...

– Хотите, чтобы я вас представила ей? – спросила я.

Он чуть не рассыпался на части. Закусил губу и извлек носовой платок, чтобы протереть очки. Когда до него дошло, что он забыл взять их с собой, он высморкался.

– Будь добра, – сказал он.

Потом добавил, когда мы поднимались по ступенькам:

– Надеюсь, мы не помешаем. Ненавижу быть просителем, но иногда выбора нет.

Он имел в виду Синтию.

– Наше последнее предприятие потерпело крах, не так ли? Так что в этот раз надо постараться.

Теперь он, конечно же, подразумевал Руперта Порсона, покойного кукольника, чье представление несколько месяцев назад в приходском зале резко прервалось трагедией[14 - Флавия имеет в виду события, описанные в романе «Сорняк, обвивший сумку палача».]

Бан Китс сидела на стуле наверху лестницы, оперев голову на руки.

– Боже мой, – сказала она, когда я представила ее викарию. – Я ужасно извиняюсь, кажется, у меня жуткая мигрень.

Ее лицо было белым, как снежная корка.

– Как печально, – произнес викарий, положив руку ей на плечо. – Сочувствую от всего сердца. Моя жена ужасно страдает от такого же недуга.

Синтия? – подумала я. От мигреней? Определенно это многое объясняет.

– Она иногда находит, – продолжал он, – что помогает теплый компресс. Уверен, что добрая миссис Мюллет с удовольствием сделает его вам.

– Все в порядке... – начала Бан Китс, но викарий был уже на полпути вниз по лестнице. – О! – Она всхлипнула. – Мне следовало остановить его. Я не хочу никому создавать проблемы, но когда я в таком состоянии, то едва могу думать.

– Викарий не против, – сказала я. – Он очень хороший человек. Всегда думает о других. На самом деле он зашел узнать, можно ли уговорить мисс Уиверн дать спектакль, чтобы собрать деньги в церковный фонд.

Ее лицо стало еще бледнее, если это возможно.

– О нет! – ответила она. – Он не должен ее об этом просить. У нее бзик по поводу благотворительности, терпеть ее не может. Что-то из детства, полагаю. Лучше скажите ему об этом, пока он не затронул эту тему. Иначе наверняка будет жуткая сцена!

Викарий уже возвращался, к моему удивлению, прыгая через две ступеньки.

– Откиньтесь назад, леди, и закройте глаза, – сказал он таким мягким голосом, которого я доселе у него не слышала.

– Мисс Китс сказала, что мисс Уиверн нездорова, – объяснила я, когда он приложил компресс к ее лбу. – Так что, наверное, лучше не упоминать...

– Разумеется. Разумеется, – отозвался викарий.

Позже я придумаю какое-нибудь безвредное извинение.

Голос позади меня произнес:

– Бан? Черт возьми...

Я резко обернулась.

Филлис Уиверн, облаченная в платье цвета орхидеи и в полнейшем здравии, плыла по коридору в нашем направлении.

– Она мучается от мигрени, мисс Уиверн, – сказал викарий. – Я только что приложил компресс.

– Бан? О моя бедняжка Бан!

Бан тихо застонала.

Филлис Уиверн выхватила компресс из рук викария и снова приложила его к вискам Бан, собственноручно.

– О моя бедная, несчастная Бан! Скажи Филли, где болит.

Бан закатила глаза.

– Марион! – позвала Филлис Уиверн, щелкнув пальцами, и словно из ниоткуда появилась высокая поразительная женщина в роговых очках, в прошлом, должно быть, выдающаяся красавица. – Отведи Бан в ее комнату. Скажи Доггеру немедленно вызвать доктора.

Когда Бан Китс увели, Филлис Уиверн протянула руку.

– Я Филлис Уиверн, викарий, – сказала она, сжимая его ладонь двумя руками и легко поглаживая. – Благодарю вас за оказанное внимание. Сегодня трудный день: сначала Патрик Макналти, теперь моя дражайшая Бан. Это так печально, мы все – такая большая счастливая семья, знаете ли.

Меня охватило чувство дежавю: где-то я уже видела подобную сцену.

Конечно! Это мог быть эпизод из любого фильма Филлис Уиверн.

– Я перед вами в долгу, викарий, – продолжала она. – Если бы не вы, она могла бы упасть с лестницы и разбиться.

Она драматизировала ситуацию: все было вовсе не так.

– Если я могу что-то сделать для вас, чтобы продемонстрировать свою благодарность, только попросите.

И тут у викария изо рта полилось – он вывалил почти все. К счастью, он не упомянул об обучающих уроках Синтии.

– Видите ли, мисс Уиверн, – подытожил он, – крыша церкви Святого Танкреда находится в опасном состоянии со времен Георга IV, так что время играет существенную роль. Церковный служитель говорит мне, что недавно обнаружил воду в купели, которую не наливали туда в духовных целях, и...

Филлис Уиверн прикоснулась к его руке.

– Ни слова больше, викарий. Я буду счастлива закатать рукава и взяться за дело. Вот что я вам скажу, мне в голову пришла чудесная идея. Мой партнер по фильму Десмонд Дункан приедет этим вечером. Может быть, вы припоминаете, что мы с Десмондом имели некоторый успех в Вест-Энде и в кино с «Ромео и Джульеттой». Если Десмонд в игре, а я уверена, он не откажет...

Она произнесла эти слова с шаловливым подмигиванием и блеском в глазах.

– ...тогда мы наверняка соберем кое-какие средства на ремонт крыши Святого Танкреда.

Я провела так много времени, сидя на середине лестницы, что начала чувствовать себя Кристофером Робинном.

Я и сейчас там сидела, наблюдая за переполненным вестибюлем, где несколько дюжин членов съемочной группы разбились на маленькие кучки и разговаривали. Я узнала только женщину по имени Марион, которая днем увела Бан Китс. Поскольку Бан нигде не было видно, я предположила, что она все еще отдыхает в своей комнате.

– Леди и джентльмены! – окликнул кто-то, хлопая в ладоши, чтобы привлечь внимание. – Леди и джентльмены!

Гул разговоров смолк так же резко, как будто его обрезали ножницами.

Бледный молодой человек с песочного цвета волосами пробрался к подножию лестницы, поднялся на пару ступенек и повернулся лицом к остальным.

– Сейчас к вам обратится мистер Лампман.

Чтобы усилить старомодное электрическое освещение Букшоу, принесли несколько неярких ламп.

Откуда-то из теней за ними появился крошечный мужчина средних лет и, словно мальчик на сельской дороге, небрежным и медленным шагом пересек вестибюль, как будто в его распоряжении было все время мира. Он был одет в довольно поношенную оливково-зеленую шляпу-федору, черную водолазку и черные брюки.

В другой одежде Вэл Лампман вполне сошел бы за эльфа.

Он повернулся лицом к аудитории. Я заметила, что он не поднялся ни на одну ступеньку.

– Как приятно видеть так много знакомых лиц – и новые лица также, – сказал он. – В числе последних – Том Кристи, помощник режиссера...

Он прервался, чтобы положить руку на плечо подошедшего к нему кудрявого мужчины.

– ...который присмотрит за тем, чтобы все было в порядке и никто из вас не натыкался на стены.

Раздался легкий, но вежливый смех.

– Как большинство из вас в курсе, мы столкнулись с небольшим затруднением. К несчастью, Пэт Макналти получил травму, и, хотя меня заверили, что с ним будет все в порядке, нам придется обходиться без его великодушных наездкиных маневров, по крайней мере какое-то ехнической командой до особого уведомления будет руководить Бен Латшоу, и я знаю, что вы проявите по отношению к нему любезность.

Головы повернулись, но я не видела, на кого смотрят.

– Я надеялся устроить прогон первой сцены с мисс Уиверн и мистером Дунканом, но, поскольку он еще не приехал, вместо этого мы отрепетируем сцену сорок два с горничной и почтальоном. Где горничная и почтальон? А! Жанетта и Клиффорд – хорошее шоу. Подойдите к мисс Тродд, и мы встретимся наверху, как только закончим здесь.

Жанетта и Клиффорд прошли по вестибюлю по направлению к очкастой Марион, махавшей в воздухе дощечкой, чтобы показать им путь через толчею.

Марион Тродд – так вот как ее зовут.

– Вэл, дорогой! Прости, я опоздала.

Голос прозвучал словно хрустальная труба, отразившись от полированных панелей вестибюля.

Все повернулись и увидели, как Филлис Уиверн начала шествие по западной лестнице. И какое шествие! Она переоблачилась в костюм мексиканской танцовщицы – белую блузку с рюшами и юбку, напоминавшую пляжный навес над шезлонгом.

Только банана в волосах не хватало.

Раздались редкие аплодисменты и одинокий свист, отчего она притворилась, что краснеет, обмахивая щеки рукой.

Ей, должно быть, ужасно холодно с короткими рукавами, подумала я. Хотя, может, работа под жаркими лампами сделала ее невосприимчивой к английской зиме.

Один раз она остановилась, чтобы беспомощно пожать плечами и указать подбородком в сторону верхнего этажа.

– Бедняжка Бан, – сказала она неожиданно торжественным голосом. – Я пыталась влить в нее немного супа, но она не смогла удержать его. Я дала ей кое-что, чтобы она уснула.

Спустившись к подножию лестницы, она проплыла по вестибюлю, взяла Вэла Лампмана за руки, как будто чтобы помешать ему коснуться ее, и клюнула его в щеку.

Даже с того места, где я сидела, было видно, что она промахнулась на миллю. Она, похоже, была слегка раздраженной, подумала я, потому что он похитил ее аплодисменты.

Пока они держали друг друга на расстоянии вытянутой руки, распахнулась входная дверь, и появился Десмонд Дункан.

– Прошу у всех прощения, – сказал он голосом, известным всему миру. – Последний дневной спектакль в пантомиме. Представление по королевскому указу. Просто не мог вырваться.

Он кутался во что-то вроде тяжелого мехового пальто – из буйвола или яка, подумала я. На голове – широкополая мягкая шляпа вроде тех, что носят художники на континенте.

– Тед! – окликнул он, похлопав одного из электриков по спине. – Как твоя миссис? Продолжает собирать спичечные коробки? Я добыл один, которой ей

может понравиться, – прямо из «Савоя». – И добавил, на театральный манер выразительно подмигнув: – Только двух спичек не хватает.

Я видела Десмонда Дункана в фильме, название которого позабыла: о маленькой девочке, которая нанимает неудачника адвоката, чтобы воссоединить своих отдалившихся родителей. Еще я видела несколько его фотографий в журналах для поклонников, которые Даффи прячет на дно ящика со своим нижним бельем.

У него был острый крючковатый нос и выступающий подбородок, из-за чего абрис его профиля напоминал молнию – профиль, узнаваемый от Гренландии до Новой Гвинеи.

Неожиданные вздохи сзади и выше заставили меня изогнуть шею и посмотреть наверх. Могла бы догадаться! Сквозь балюстраду глазели Даффи и Фели. Должно быть, лежат на животах на полу.

Фели делала движения ладонями, давая мне понять, чтобы я не глазела на них и не выдавала их присутствия.

Я проскакала вверх по ступенькам и легла на пол между ними. Даффи попыталась меня ущипнуть, но я откатилась.

– Сделай это еще раз, и я прокричу твое имя и размер лифчика, – прошипела я, и она пронзила меня ненавидящим взглядом. Даффи совсем недавно начала развиваться и еще стеснялась трубить о подробностях.

– Взгляни на них, – прошептала Фели. – Филлис Уиверн и Десмонд Дункан на самом деле здесь, в Букшоу!

Я бросила взгляд сквозь балюстраду как раз вовремя, чтобы увидеть, как они соприкасаются кончиками пальцев – словно Бог и Адам на потолке Сикстинской капеллы, если не считать, что из-за их одежды сверху казалось, что это большой бизон встречается с маленькой юлой.

Десмонд Дункан уже снимал объемистое пальто, которое сразу же подхватил маленький человечек, следовавший за ним по пятам.

– Вэл! – громко сказал он, вбирая взглядом вестибюль. – Ты снова это сделал!

Вместо ответа Вэл Лампман натянуто улыбнулся и слишком небрежно посмотрел на часы.

– Ну что ж, – сказал он. – Все в сборе и сосчитаны. Жанетта и Клиффорд, вы там. Можете оставаться внизу. Все-таки сегодня вечером мы займемся главными героями. Первая репетиция состоится завтра утром в полвосьмого, в костюмах – в девять пятнадцать. Мисс Тродд выдаст списки через два часа.

– Вот твой шанс, – прошептала Даффи, толкнув Фели. – Иди спроси его!

– Нет! Я передумала! – заявила Фели.

– Глупая верблюдница! – сказала Даффи. – Ты хочешь, чтобы я его спросила? Я это сделаю, так и знай.

И она прошептала мне:

– Она хочет попасть в статисты. Зациклилась на этом.

– Нет! – сказала Фели. – Тихо!

– О, мистер Лампман, – довольно громко произнесла Даффи, – моя сестра...

Вэл Лампман взглянул вверх в тени.

Фели ущипнула Даффи за предплечье.

– Прекрати! – прошипела она.

Я поднялась с пола, протерла лицо ладонью, поправила одежду и подошла к лестнице так, что отец бы мной гордился.

– Мистер Лампман, – произнесла я с лестничной площадки. – Я Флавия де Люс, из де Люсов из Букшоу. Моей сестре Офелии семнадцать лет. Она надеется, вы

сможете дать ей маленькую роль. – Я сделала указывающий жест. – Это она смотрит сквозь перила.

Вэл Лампман заслонил глаза рукой и всмотрелся в темное дерево.

– Пожалуйста, покажитесь, мисс де Люс, – сказал он.

Наверху Фели встала на колени, потом поднялась на ноги, отряхнулась и с глупым видом посмотрела вверх перил.

– Вы сгодитесь, – сказал он наконец. – Подойдите к мисс Тродд утром.

В закутке под лестницей зазвонил телефон, и, хотя я не могла видеть, я услышала размеренные шаги Доггера, приблизившегося из кухни снять трубку. После приглушенного разговора он показался в поле зрения и увидел меня на ступеньках.

– Это викарий, – сказал он. – Мисс Фелисити позвонила ему, чтобы сообщить, что полковник де Люс останется на ночь в Лондоне.

Должно быть, снег валит как черт знает что, довольно жестоко подумала я.

– Странно, что тетушка Фелисити не позвонила сюда, – заметила я.

– Она пыталась больше часа, но линия была занята. Поэтому она позвонила викарию. Так получилось, что утром он поедет в Доддингсли забрать еще несколько падубов для украшения церкви. Он любезно предложил встретить полковника де Люса и мисс Фелисити на вокзале и привезти в Бук-шоу.

* * *

– Падуб и плющ, – громко пропела я, не беспокоясь, что немного фальшивлю. – Когда они о-о-о-ба в по-о-олном цвету-у-у! Из всех ядов, что есть в лесу, падуб – король!

Вероятно, подумала я, это потому, что он содержит теобромин, горький алкалоид, который можно также обнаружить в кофе, чае и какао и который был впервые синтезирован незабвенным немецким химиком Германом Эмилем Фишером из человеческих выделений. Теобромин в ягодах и листьях падуба – это один из цианогенных гликозидов, которые при проглатывании выделяют цианид водорода. В каких количествах – мне еще предстоит определить, но от одной только мысли о столь сладостном эксперименте я затрепетала!

– Вы думаете об илицине, – сказал Доггер.

– Да, я думаю об илицине. Это алкалоид в листьях падуба, он вызывает понос.

– Полагаю, я где-то читал об этом, – сказал Доггер.

Я могу использовать ту же охапку веток падуба, которую притащила домой для изготовления птичьего клея!

– Будь начеку! – пропела я, прыгая вверх по лестнице с мыслями не только о захвате Деда Мороза.

Влажные тяжелые хлопья падали прямо на землю, проносясь мимо освещенных окон моей лаборатории, и среди них не было двоих похожих, однако все они – члены одной семьи.

В случае со снежными хлопьями семья зовется H_2O , известная непосвященным как вода.

Как вся материя, вода может находиться в трех состояниях: при нормальной температуре это жидкость; нагретая до 212 градусов по Фаренгейту[15 - 100 градусов Цельсия.], она превращается в газ; охлажденная ниже 32 градусов[16 - По Фаренгейту.], кристаллизуется и становится льдом.

Из трех состояний лед – мое любимое: вода, будучи замороженной, классифицируется как минерал – минерал, чья кристаллическая форма, например в айсберге, может копировать бриллиант величиной с «Королеву Елизавету»[17 - Океанский лайнер, который в период с 1940 по 1972 год был

крупнейшим пассажирским кораблем в мире.]

Однако добавьте немного тепла – и пф! Это снова жидкость, способная легко проникать с помощью одной лишь силы гравитации в самые потаенные места. Одна только мысль о подземных местечках, куда попадает вода, вызывает у меня щекотку в животе!

Потом поднимите температуру еще выше – и опля! – это газ, и неожиданно он может летать.

Если это не волшебство, я не знаю, что это такое!

Азотноватистая кислота, например, совершенно очаровывает: при температуре -4 она принимает форму бесцветных кристаллов в форме призмы; подогрейте ее до 7 градусов – и она станет прозрачной жидкостью. При 30 градусах жидкость желтеет, потом становится оранжевой, а при 82 [$18 - 4$ равно -20 по Цельсию, 7 равно -14 , 30 равно -1 , 82 равно $+28$.] – закипает и превращается в коричнево-красный дым: все в пределах разницы температур в 82 градуса!

Потрясающе, когда об этом задумываешься.

Но вернемся к старой подруге воде, в данном случае суть заключается в следующем: не важно, горячая или холодная, в каком она состоянии, какие у нее качества или цвет, каждая молекула воды состоит всего лишь из одного атома кислорода, связанного с двумя сестринскими атомами водорода. Нужны они трое, чтобы возникли ослепляющая снежная буря, или гром, или пухлое белое облачко в летнем небе.

О Боже, как многообразны твои труды!

Позже, в кровати, я, выключив свет, некоторое время прислушивалась к отдаленным звукам, производимым людьми, совершающими последние приготовления к завтрашнему утру. Где-то в западном крыле они продолжают настраивать свет; где-то Филлис Уиверн будет зубрить сценарий.

Но наконец, спустя целую вечность, дневные труды были закончены, и после нескольких неохотных похрустываний и стонов Букшоу уснул в молчании падающего снега.

6

Я проснулась от ширканья лопаты. Гадство! Должно быть, я проспала!

Выпрыгнув из-под стеганого одеяла, я поскорей натянула одежду, пока не замерзла.

Мир за пределами окон моей спальни виднелся болезненной тенью не до конца проявленного снимка: пятнисто-черный и белый, под которыми виднелся едва заметный угрожающий оттенок пурпурного, как будто небо шептало: «Ну, погоди!»

Несколько дразнящих снежинок продолжали медленно дрейфовать, словно предупреждающие записки от богов, и потряхивать крошечными замерзшими кулачками, падая за окнами.

Примерно половина съемочной группы трудилась, расчищая проходы между фургоном и грузовиками.

Я быстро покопалась в куче пластинок для граммофона (Даффи говорила, что я называла его «грампафоном», когда была меньше) и, выбрав искомую, вытерла ее своей юбкой.

Это было «Утро» Эдварда Грига из сюиты «Пер Гюнт»: тот же музыкальный отрывок, который Руперт Порсон (покойный) ставил в приходском зале на открытии своего кукольного представления «Джек и бобовое зернышко».

Это не самое мое любимое утреннее музыкальное произведение, но это бесконечно лучше, чем песенка «Давайте петь, как птицы». Кроме того, на пластинке есть красивая картинка с собакой, склонившей голову, прислушиваясь к голосу хозяина, доносящемуся из трубы, и не осознавая, что

хозяин позади, рисует ее портрет.

Я хорошенько завела граммофон и поставила иголку на поверхность крутящейся пластинки.

– Ла-ла-ла-ла-а, ла-ла, ла-ла, ла-а-ла-ла-ла, – подпевала я, даже ставя паузы в правильных местах, до самого конца мелодии.

Потом, поскольку мне показалось, что это будет соответствовать унылости дня, я уменьшила скорость воспроизведения, и музыка зазвучала так, будто весь оркестр внезапно одолела тошнота: словно музыкантов отравили.

О, как я обожаю музыку!

Я неуклюже зашлепала по комнате в такт замедленной музыке, как кукла, из которой вываливаются опилки, пока игла граммофона не одолела всю дорожку до конца, и упала на пол бесформенной кучкой.

* * *

– Надеюсь, ты не болталась под ногами, – сказала Фели. – Помни, что приказал нам отец.

Мой язык медленно выполз изо рта, как земляной червяк после дождя, но усилия оказались тщетными. Фели не подняла глаз от листа бумаги, который изучала.

– Это твоя роль? – поинтересовалась я.

– Собственно говоря, да.

– Дай глянуть.

– Нет. Это не твое дело.

– Ну давай, Фели! Я это устроила. Если тебе заплатят, я хочу половину.

– На ЗП, ВФ горничная кладет письмо на стол, – сухо ответила она.

– И это все? – спросила я.

– Все.

– Но что это значит?

– Это значит, что на заднем плане, вне фокуса горничная кладет на стол письмо. Так, как тут написано.

Фели делала вид, что занята, но по ее краснеющей шее я определила, что она прислушивается. Моя сестра Офелия похожа на экзотическую жабу, непроизвольно меняющую цвет кожи в целях предупреждения. Жаба пытается заставить вас подумать, что она ядовита. С Фели примерно то же самое.

– Карамба! – сказала я. – Ты прославишься, Фели.

– Не говори «карамба», – резко ответила она. – Ты знаешь, что отец это не любит.

– Он вернется домой сегодня утром, – напомнила я. – С тетушкой Фелисити.

При этих словах стол охватила всеобщая угрюмость, и мы доели завтрак в каменном молчании.

Поезд из Лондона приходит в Доддингсли в пять минут одиннадцатого. Если бы отца и тетушку Фелисити вез Кларенс Мунди на такси, они бы доехали до Букшоу за полчаса. Но сегодня, с учетом снегопада и отработанной похоронной манеры водить, свойственной викарию, вероятнее всего, до их приезда солидно перевалит за одиннадцать.

На самом деле получилось так, что уставший «моррис» викария, словно телега беженца, нагруженный разнообразными предметами странной формы, торчащими из окон и привязанными к крыше, остановился перед парадной дверью только в четверть второго. Как только отец и тетушка Фелисити выбрались из машины, я поняла, что они поссорились.

– Бога ради, Хэвиленд, – говорила она, – человек, который не может отличить зяблика от юрка, не должен смотреть из окон вагона.

– Я вполне уверен, Лиззи, что это и правда был юрок. У него был заметный...

– Чепуха. Достаньте мою сумку, Денвин. Ту, которая с большим медным висячим замком.

Викарий, как мне показалось, был слегка удивлен столь бесцеремонным приказом, но взял саквояж с заднего сиденья машины и передал его Доггеру.

– Разумно с вашей стороны подумать о зимней резине и цепях, – сказала тетушка Фелисити. – Большинство духовных лиц ничего не смыслят в автомобилях.

Я хотела было рассказать ей о епископе, но сдержалась.

Тетушка Фелисити двинулась к парадной двери в своей привычной бульдожьей манере. Под длинным дорожным пальто, как я знала, она облачена в полное обмундирование путешественника: широкую куртку с поясом и юбку с дополнительно вшитыми карманами для ножниц, ручек, булавок, ножа и вилки (она путешествовала со своими: «Никогда не знаешь, кто ел чужими столовыми приборами», как она любила говаривать); несколькими мотками веревки, резинками в ассортименте, инструментом для обрезания кончиков сигар и с маленьким стеклянным дорожным контейнером «Услады джентльмена»[19 - Очень соленая паста из анчоусов, которую производят в Британии с 1828 года.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Перевод К. Бальмонта (здесь и далее – прим. переводчика).

2

В авторском варианте Father Christmas.

3

Женский день – третий день королевских скачек в Аскоте (проходят ежегодно в середине июня), когда дамы по традиции демонстрируют лучшие наряды.

4

«Лорелея» Г. Гейне цитируется по переводу Каролины Павловой.

5

«Либерти» – дорогой магазин в Лондоне на Риджентстрит.

6

Имеется в виду дело британского серийного убийцы Джорджа Джозефа Смита (1872–1915), утопившего трех своих жен в ванной ради получения страховки.

7

Излингтон – район в Лондоне. Филлис немного запуталась. Излингтонский убийца – это доктор Харви Криппен (1862–1910), американский врач, убивший свою жену-актрису и так изуродовавший тело, что его долго не могли опознать. Дело доктора Криппена было очень шумевшим, легло в основу ряда художественных произведений (в том числе «Излингтонской загадки») и даже мюзикла.

8

Герберт Р. Армстронг (1869–1922) – английский солиситор, осужденный за убийство жены (отравил ее мышьяком). Также пытался с помощью мышьяка избавиться от своего конкурента.

9

«Шоколадный солдат» (1908) – оперетта Оскара Штрауса по пьесе Бернарда Шоу. В 1941 году по ней был снят одноименный фильм.

10

Пирог с салом (lardy cake) – праздничный пирог или хлеб, популярный на юго-западе Англии. Ингредиенты – мука, сахар, специи, изюм и свежесдобленное

сало, которое должно все хорошенько пропитать.

11

«Овалтин» – вкусовая добавка из сахара, какао, солода и яиц в виде порошка. Кладется в молоко. Изобретена была в Швейцарии, в 1909 г. была привезена в Англию, где, собственно, и получила свое название и стала пользоваться популярностью.

12

Роман Ч. Диккенса.

13

Лэрд – шотландский помещик.

14

Флавия имеет в виду события, описанные в романе «Сорняк, обвивший сумку палача».

15

100 градусов Цельсия.

16

По Фаренгейту.

17

Океанский лайнер, который в период с 1940 по 1972 год был крупнейшим пассажирским кораблем в мире.

18

– 4 равно –20 по Цельсию, 7 равно –14, 30 равно –1, 82 равно +28.

19

Очень соленая паста из анчоусов, которую производят в Британии с 1828 года.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/alan-bredli/o-ya-ot-prizrakov-bol-na>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)